

Александр Степанович Грин

# Молчание



# Александр Степанович Грин

## Молчание

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=8055867](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8055867)*

### Аннотация

«Дорога из Престидэя в Нум раздваивалась наподобие змеиного языка около морского залива. Налево она вела в Нум, направо – в Лемпшир.

На раздвоении дороги плохо одетый человек с истощенным лицом замедлил шаги и, слегка раскачивая ручным саквояжем, начал оглядываться, ища прохожих, которые могли бы рассеять его сомнения. Вскоре он увидел человека могучего сложения, мрачного, в бакенбардах, который неторопливо шел в Престидэй, и обратился к нему с вопросом:

– Налево или направо надо идти, чтобы попасть в Нум?..»

# Александр Грин

## Молчание

Дорога из Престидэя в Нум раздваивалась наподобие змеиного языка около морского залива. Налево она вела в Нум, направо – в Лемпшир.

На раздвоении дороги плохо одетый человек с истощенным лицом замедлил шаги и, слегка раскачивая ручным саквояжем, начал оглядываться, ища прохожих, которые могли бы рассеять его сомнения. Вскоре он увидел человека могучего сложения, мрачного, в бакенбардах, который неторопливо шел в Престидэй, и обратился к нему с вопросом:

– Налево или направо надо идти, чтобы попасть в Нум?

– Конечно, налево. За теми холмами Нум. Четыре километра, и вы на месте. Увидев вас, я сразу сказал себе: «Он не здешний». И я, кажется, угадал?!

При этом проявлении общительности внушительная мрачность болтуна утратила нечто неуловимое, делавшее ее солидной; глаза блеснули, выдав сплетника; несвойственное возрасту любопытство смягчило мрачные черты и, нервно опершись о палку, человек умильно захлопал веками.

– О, да, вы угадали, – ответил путник. – Следовательно, я должен идти налево?

– Я знаю всех в Нуме, – продолжал любопытный бакенбардист, пропуская уклончивый вопрос мимо ушей. – И если

вы сообщите, кого именно желаете там видеть, то я подробно объясню, как найти дом. Нум разбросан, очень разбросан. Мое имя Вильям Угестон, из Престидэя, – домовладелец, а также управляющий конторой погребальных шествий.

Молодой человек без особой охоты наименовал себя:

– Том Дарль, из Гертоне, – и сообщил, что ему нужен Тристан Бурль, бывший нотариус.

– Бурль?! – воскликнул Угестон. – Хорошо, ваше счастье, что вы, как мне кажется, опоздали! Ведь объявление напечатано уже дней десять назад! Впрочем, оно со мной.

Пока Дарль молча смотрел на него, Угестон в приливе общительности расстегнул пиджак и извлек объемистый бумажник, набитый газетными вырезками. Поспешно разыскав одну вырезку, Вильям Угестон показал ее Дарлю.

– Мы с вами говорим об этой штуке, не так ли? – спросил Угестон, давая Дарлю прочесть текст.

– Да, – ответил, помолчав, Дарль. Еще помолчав, он прибавил: – Действительно, это самое объявление я имел в виду, направляясь к Бурлю.

– Каков изверг?! – воскликнул Угестон и пристукнул палкой. – Это негодяй, тиран! Его дочь стала женой бедного секретаря, служившего у директора консерватории в Гертоне, и Бурль, представьте, отказался ее видеть, восстановил директора против мужа дочери, лишил беднягу места, а сам, старый печеночник, мстительный ипохондрик, выдумал для себя вот это самое развлечение. Он стал нанимать

секретарей для того, чтобы их мучить. Его ненависть к секретарям вообще – достигла силы... я бы сказал: внушительности похоронной процессии в пятьсот долларов.

Объявление, тщательно спрятанное Угестонем в бумажник, было напечатано неделю назад «Биржей Престижэ» и гласило следующее:

«Тристану Бурлю нужен секретарь, образованный человек, шатен сухого типа, с серыми глазами, умеющий быстро писать под диктовку и точно исполнять поручения, одинокий, опрятный, скромно одевающийся. Жалованье 225 долларов ежемесячно, стол и комната, ежемесячная прибавка 25 долларов. Непременное условие: в присутствии Тристана Бурля – молчать. Молчать безусловно, категорически, не произнося ни единого слова, ни даже восклицания. В противном случае, если бы даже нарушившее это условие лицо и прослужило шесть месяцев, оно лишается всех заработанных денег, которые уплачиваются по истечении полугодия».

– Надеюсь, я не опоздал, – сказал Дарль, – так как найдется мало охотников служить такому сумасброду. Мало найдется также шатенов сухого типа с серыми глазами вроде меня. Молчать я умею. Я скажу прямо – люблю молчать. Итак, дорога налево?

Подтвердив свое указание, Угестон хотел взять Дарля за пуговицу жилета, чтобы набросать ему огненными чертами портрет злодея Бурля, но будущий секретарь, приподняв

шляпу, ударился шагать так широко и быстро, что Угестон, рассеянно осмотрев небо и землю, подобно кошке, у которой из-под носа улетел воробей, гордо закинул голову и направился к Престидэю, острые крыши которого виднелись из-за холмов.

В тот день Тристан Бурль, человек пятидесяти девяти лет, страдающий одышкой, печенью и подагрой, был особенно мрачен, даже свиреп, так как видел во сне дочь, Леону, и безумно ревновал ее к ее мужу, ненавистному нищему секретарю Сивилию Brentгаму. Его утешало лишь то, что директор консерватории Льюис Терн уволил Brentгама, одновременно делая уступку свирепому клянчанию Бурля и своему личному чувству, потому что был сам неравнодушен к Леоне Бурль, девушке красивой и милой. Бурль любил дочь сильно, но примириться с ней не мог. Слово «секретарь» бесило его. Бурль прочел восторженное письмо Леоны, разорвал его, прекратил высылать деньги и написал дочери, чтобы она забыла о нем навсегда. Через неделю начал он стороной наводить справки о ее жизни в Гертоне, но узнал, что Brentгамы куда-то выехали и адрес их затерялся.

Страшно разозлясь, что дочь не написала ему второго письма, противоречивый старик «уткнул подбородок в галстук ненависти» и засел как паук в своем доме, поджидая секретарей-мух, чтобы мучить их, согласно обещанным в объявлении пыткам. Его врагами стали все секретари ми-

ра, но – в особенности – секретари тридцати лет, сероглазые «шатены, сухого типа», как описывала ему Леона Бурль Brentгама.

По всем статьям Дарль отвечал требованиям сумасбродного объявления. Не очень печалась о предстоящей тирании, Дарль разыскал в Буме дом Бурля и сообщил экономке нотариуса, что явился по объявлению. Не прошло и десяти минут, как его провели к Бурлю.

Перед Дарлем, в старом кожаном кресле, подоткнутый подушками, с тростью в руках, сидел, прищурясь одним глазом, толстый, широкоплечий старик. Из-под насупленных бровей выглядывали желто-коричневые глаза; левый – угрюмо приоткрытой щелью, полной ядовитого блеска, и правый – раскрытый как на врага, в упор, под бровью, приподнятой насмешливо и неодобрительно. Круглое лицо старика было обведено ресничатой бородой, клочки которой торчали подобно лучам. Домашний костюм из грубого серого шелка и мягкие туфли Бурля указывали на любовь к простору и удобству. Его кабинет состоял из огромного окна, стола, напоминающего небольшую площадь, книжных шкапов, дорогого ковра и кожаных кресел. На зеленых стенах не было никаких картин. Портрет дочери Бурль убрал со стола в шкаф.

– Вы читали объявление? – спросил Бурль голосом столь резким, что Дарль вздрогнул.

– Да, я прочел его.

– Нравится оно вам?

– Нет.

– Нет? Зачем же вы явились?

– Я должен зарабатывать. В настоящее время очень трудно найти место, – сказал Дарль, внимательно присматриваясь к старику, который, сопя и кашляя, очевидно, приготовился забавляться, так как, закрыв глаза, улыбнулся почти оскорбительно. – Я человек без средств, а на моих руках несколько братьев и сестер, которые должны получить образование. Объявление мне не нравится, но на ваши условия я согласен.

Бурль передвинулся в кресле и покачал головой.

– Что же, вы надеетесь, что будете всегда молчать?

– Безусловно.

– Как хотите. Секретарь мне нужен. Ваше имя? Вы можете говорить в течение десяти минут. Затем вы умолкнете. Пользуйтесь этим сроком, когда он пройдет, вам придется только выслушивать.

Хотя Бурль явно издевался, Дарль остался спокоен.

– Действительно, – начал Дарль, – я найду кое-что сказать. Ваше объявление недостойно вас. Я не касаюсь причин, которыми оно вызвано, – если только есть иные причины, кроме желания показать свою власть над зависимым и неимущим лицом. Я уверен, что когда-нибудь впоследствии вам это станет понятно. Как видите, у меня нет нужды употребить все десять минут на разговор с вами. Я говорил не более двух минут. Остальные восемь я уступаю вам и остаюсь

в вашем распоряжении.

Левая щека Бурля дергалась. Он вытаращил глаза.

– Я думаю, что вы уберетесь вон! – закричал Бурль.

– Нет. Я должен служить.

– В таком случае... – Бурль тяжело вылез из кресла, подвалился, хромя, к столу, стукнул тростью и повторил: – В таком случае... с этого мгновения... беспрекословно... молчать!

Дарль покорно кивнул.

– Вы сказали свое, – начал, брызгая слюной, Бурль, – а я выложу вам свое. Есть порода, – к сожалению, порода людей низких, гнусных, льстивых к высшим, нахальных и грубых с низшими, наушников, сплетников, шпионов и предателей, называемая... сек-ре-та-ри. Секретарь мнит себя выше патрона; крадет почтовые марки, пишет доносы начальству своего хозяина, втирается в доверие к его родственникам и втайне смеется над деятельностью того, кому служит. Он считает себя умнее всех, тиранит просителей, лжет, берет подачки и мечтает жениться на... на молодой девушке, родственнице хозяина, на его дочери, если она есть, черт возьми! Я не говорю, что это вы именно такой секретарь; я вас не знаю и говорю вообще. Я презираю секретарей, а потому они должны молчать как собаки. За ваши дерзости сбавляю вам жалованье на двадцать пять долларов. Принимаете?

Дарль кивнул.

– Предупреждаю вас, – продолжал Бурль, начиная уста-

вать, – что я буду всячески пытаться вызвать вас на разговор, особенно к концу полугодия. Я стану провокатором, хитрецом, соблазнителем. Я вас поймаю. Кстати: у меня... нет ни дочери, ни даже племянницы. Ну-с, вы будете писать под диктовку, а кроме того, вам предстоит снять множество копий в моем архиве. Еще вы перепишете мой дневник. Все.

Дарль кивнул несколько раз, после чего задумавшийся, нахмурившийся Бурль позвонил экономке.

– Шатену сухого типа, Томасу Дарлю, дайте комнату внизу, угловую, и чтобы я ничего не слышал о том, как и что он у вас ест. Сегодня вы свободны, – обратился Бурль к Дарлю, – но завтра в семь утра приходите сюда.

Совершенно усталый, Бурль захромал к спальне, боком провалился в дверь, волоча ногу и трость, и хлопнул дверью так громко, что загудел дом.

Прошло двадцать дней.

Каждый день, в семь часов утра, Дарль приходил к старику в его кабинет и работал со всей тщательностью добросовестного труженика, подшивая бумаги, снимая копии, разыскивая в архиве Бурля справки и документы, необходимые тому для удовлетворения запросов бывших клиентов и составления книги под названием «Нотариальная практика Лисского округа с 1900-го по 1920-й год». Кроме того, он вел приходо-расходные тетради Бурля, ходил покупать сигары, виски и играл с Бурлем в шахматы. Весь день Дарль был за-

нят, его отпускали не ранее восьми вечера, когда, измученный, он приходил в свою комнату – ужинать и пить чай.

Выражения: «сероглазый», «черствого типа» без употребления собственного имени Дарля, затем: «ну-ка, поворачивайтесь живее!», «долговязый кисляй!», «живо в лавочку!» – и другие еще более живописные, слетали с языка Бурля так часто, что иногда он сам в страхе замирал, ожидая пощечины. Но секретарь был выдержан на редкость. Кроме того, он оказался дельным, образованным работником. Дарль только сжимал губы и кивал, слыша брань, или отрицательно качал головой.

Однажды старик упал на пол, начал барахтаться как черепашка и дико вращать глазами. Дарль с трудом поднял его, усадил в кресло и поправил подушку. Бурль, отдышавшись, сказал:

– Ожидаете признательности?

Дарль погрозил пальцем, улыбнулся и указал на свой рот.

– Все равно поймаю! – заявил Бурль.

Дарль, пожав плечом, занялся работой. Бурль стукнул палкой и убежал в спальню.

Утром на двадцатый день этой, с позволения сказать, «службы» к секретарю вошла экономка Дора Форсет. У нее было встревоженное лицо.

– Он тоскует о дочери, – сказала экономка. – Я должна посвятить вас в эту историю, так как, может быть, вы сумеете разыскать адрес. Леона вышла замуж, отцу не понравился

ее брак, и он запретил ей писать. Впоследствии Бурль сделал шаг к возобновлению отношений, но было уже поздно: она выехала из Гертона неизвестно куда. Вы видите, я волнуюсь, но что делать, скажите? Всю ночь ему было плохо, а старики мнительны. У него бывает удушье. Под утро он плакал. Жаль его. Ведь он не столько зол, сколько болен, и болен давно.

– Сущие пустяки, – сказал Дарль. – Я знаю, где живет дочь Бурля. Так ему и скажите. Хоть сейчас. Я знаю их обоих: ее и ее мужа, Брентгама. Не беспокойтесь.

Сказав так, Дарль увидел, с какой легкостью может исчезать толстая женщина, если известие чрезвычайно. Она побежала к Бурлю, оставляя по дороге открытыми все двери и голоса «мистер-рль» – «р-ль» – все глуше, пока с лестницы не донесся последний ее возглас: «Нашли!»

В комнате Дарля раздался отрывистый звонок.

Когда Дарль пришел в кабинет, он увидел Бурля, стоявшего в дверях спальни. Его лицо опухло, руки тряслись.

– Знаете адрес? – прохрипел Бурль. – Как вы его знаете? Почему вы его знаете? Говорите!

Дарль подал заранее приготовленную бумажку. На ней было написано: «Провокация. Снимите молчание».

– Молчание и шкуру, если хотите! – заорал Бурль. – Я сдохну, пока вы трясетесь над своим жалованьем! Почему, почему, черт возьми, вы знаете адрес?!

– Потому что я муж Леоны, – сказал Дарль, невольно по-

смаатривая на палку Бурля. – Я Brentгам.

Бурль ухватился за дверь и начал сползать на пол. Дарль усадил его в кресло.

– Мы живем в Текле, деревня неподалеку от Лисса, – продолжал Дарль, – потому что продали почти все вещи и могли снять лишь что-то вроде птичьей клетки. Я кое-как занял денег и направился к вам, чтобы попытаться смягчить вас. Леона слаба здоровьем, и разрыв с вами сильно изнурил ее. По дороге я узнал о вашем объявлении и решил сколько могу расположить вас к себе, работая по объявлению.

Бурль полулежал с закрытыми глазами, слушая внимательно и ехидно. Вдруг он приоткрыл правый глаз.

– Вы были хорошим секретарем, – неожиданно сказал Бурль. – Но до чего я прав! Только секретарь может выкинуть такую штуку! Теперь будете ждать моей смерти! Вздыхать о наследстве?

– Вот именно. Ведро цианкали и пулемет приготовлены. «Настала ночь. Шипя как змея, вполз злодей...»

– Ну, довольно, – перебил Бурль. – Я устал. Место я вам устрою. Ваш поступок в моем вкусе: хорошо сыграно. Привыкну. Но, пожалуйста, ни слова Леоне о том, как я вас посылал за водкой, потому что мне это было запрещено.

– Хорошо, – ответил Brentгам. – Вы уже знаете, что секретари умеют молчать.